

казья, сказавшего в феврале 1915 года от имени будущего горячее слово над гробом Церетели,— таков путь, пройденный за четверть века Прокофием Апраксионовичем Джапаридзе.

«ЖИЗНЬ МОЯ!»

В рассказе невозможно проследить весь путь человека, чья жизнь не знала ни минуты покоя. Даны лишь фрагменты, выявлены, высветлены отдельные эпизоды. Это не портрет, а контуры к нему, этюдные наброски.

До Февральской революции на счету прославленного большевика-подпольщика шесть арестов, два побега, около семи лет заточения за решетками острожных казематов и в тюрьмах без стен и решеток, какими были места ссылки для «особо опасных государственных преступников».

Прокофий Апраксионович в этих каторжных условиях сумел не только сохранить бодрость духа, волю к революционному действию, но и беззаветную любовь к своей матери Анне Прокофьевне, жене Варваре Михайловне, двум дочуркам — Люции и Елене.

Вскользь, непростительно мало внимания уделено в этом повествовании и Варо, жене Прокофия Апраксионовича. По сути, она лишь упомянута. А достойна быть и тут рядом с Алешей, как это было на самом деле.

Смолоду, точнее, со школьной скамьи устремилась она вслед за Алешей в пучину революционной борьбы. Да, сильно полюбила его. Полюбила на всю жизнь. Но осталась преданной не только их взаимной любви, сильному чувству материнства. Она была соратницей Алеши. Его незаменимой помощницей и другом, убежденной, преданной большевичкой. Когда надо — разносила прокламации, выполняла самые опасные задания в подполье. Однажды сумела организовать подмену Алеши Джапаридзе и Мартына Лядова, посаженных в Баиловскую тюрь-

му, — обоим грозил суровый приговор — на двух молодых рабочих, якобы по ошибке взятых жандармами. В другой раз подкупила жандармского полковника (деньги дал Мешади Азизбеков, заложивший свой дом со всем имуществом) и добилась замены предстоящей Алеше каторги на высылку за пределы Кавказа. Понадобилось, и она сопровождала Алешу, делегированного на III съезд, до Петербурга: у него был поддельный паспорт на имя грузинского князя, а она выдавала себя за княгиню. В Питере Варо занималась пересылкой на Кавказ подпольной литературы, с нетерпением поджидая возвращения мужа. И вместе с ним приехала в Баку. В четвертый раз сама отправилась по доброй воле с дочерью Еленой к мужу в вологодскую ссылку, чтобы его не удручало одиночество. В пятый — достала паспорт и деньги, вклеила в обложку Евангелия и послала в дальнюю енисейскую ссылку, где томился Алеша. Помогла, таким образом, его побегу.

Прокофий Апасионович был превосходным семьянином. Не переставая заботился о своих близких. Каким же образом сочетались в одном лице неугомонный боевик, мятежный подпольщик, профессиональный революционер и беспредельно любящий сын, муж, отец?

Излишне заниматься поисками ответа. Его дал Прокофий Апасионович в письмах к родным. И поныне несомненна их нравственная и педагогическая ценность. Право, стоит пристальней присмотреться к недожинному опыту воспитания в семье Джапаридзе. Тут есть что воспринять, чему следовать. Удивительная теплота взаимоотношений царила в ней. Теплота эта не остывала при любых обстоятельствах. Алеше нередко приходилось укрادкой пробираться в свой дом, ради того чтобы взглянуть на дочурок, обменяться с ними несколькими фразами и вновь исчезнуть из виду.

Люция и Елена с малолетства становились конспираторами поневоле. Им строжайше запрещалось кому-

либо упоминать об отце, о встрече с ним: приходилось опасаться осведомителей, шпиков, рыскавших повсюду.

Письма Алеши. Они дышат поэзией и оптимизмом, хотя часто он писал их в сугубо прозаических, невероятно тяжелых, прямо-таки жутких условиях. Но ни в одной строчке не найти стона или вздоха. Отсутствует какая-либо попытка вызвать у адресата чувство жалости или сострадания. Напротив. Узник всячески старается успокоить свою семью. Тон его писем мажорный, уравновешенный и даже не лишенный улыбки, юмора.

Быть может, не случайностью объясняется и тот факт, что первое дошедшее до нас письмо Прокофия Апраксионовича Джапаридзе — к матери. Оно было послано из вологодской ссылки, из города Великого Устюга, в июле 1911 года.

«Три дня не дают удостоверения, поэтому пишу письмо маме и прошу передать», — обращается Алеша к одному из сводных братьев. Слово «мама» для Алеши звучит свято. Она вынесла много невзгод и горя из-за сына-революционера. Ему она кажется похожей на мать Ленина. Мужественно сносит удары судьбы, не перестает верить в правоту сына. «...Сейчас я совершенно свободен и письма получаю свободно, — бодро сообщает матери Прокофий. — Только меня выслали... так же, как и раньше, из Баку в Россию. Только теперь еще дальше, в северную губернию. Больше ничего. Если я вам написал открытку, то это потому, что я только недавно выпущен с этапа (меня этапом взяли из Ростова. Больше месяца возили по тюрьмам и дорогам). И поэтому я был без денег... Одним словом, причина была экономическая, а не политическая. А сейчас ничего, немножко устроился. Из казны ссыльным дается ежемесячно восемь рублей, а дворянам — одиннадцать рублей... Оказывается, — слукавил Алеша, — наше правительство не только полицейским и своим чиновникам дает пенсию, но и одаряет революционеров. Поди и не взлюби такое правительство, но, если сказать по-нашему, по-ра-

чински, я так его люблю, как тех, кто вас проклинает и желает вам зла. Конечно, это не пенсия, а, как говорится по-русски, кормовые. В общем,— продолжал Алеша,— самочувствие сносное, хотя здесь я, конечно, больше ощущаю оторванность от родственников и друзей. Тем более, что жены и детей со мной нет...»

А вот другое письмо к матери, уже из тюремной одиночки: «Дорогая и любимая мама!.. Мамочка моя, твои полные слез глаза будут сопутствовать мне, и ты сама догадаешься, как это подействует на меня. Ты ведь знаешь, я не люблю жаловаться вслух на невзгоды и ношу их молча в сердце. Лишь твои хорошие письма могут поддержать меня, иначе одолеют думы о тебе. Дорогая мама, будь молодцом. Бывай чаще с моими детьми...»

Жену, Варо, он предупреждает: «...буду писать по-русски, не хочу, чтобы мама читала. Помимо того, главное, что меня угнетает,— ты знаешь, о чем я думаю,— меня очень беспокоит судьба матери. Я замечаю, что она совсем упала духом, и это в высшей степени пагубно отзовется на ее здоровье. Я боюсь, что ее не увижу больше. Если не ободришь ее и в твоих отношениях не будет теплоты, ее совсем доконает горе. Поэтому моя просьба, по возможности почаще и подольше пусть будет с вами, т. е. с тобой и детьми...»

«Жена и дети! Жизнь моя! — Только так почти все письма к жене начинает Алеша.— Я хорошо себя чувствую. Нас сопровождает один стражник.— Это открытка с очередного этапа.— Идем свободно. Ночуем в крестьянских домах. Обо мне не беспокойтесь. Быстрее пишите письма. Жду с нетерпением письма и весточки от вас...»

Этап не кончен. Узников гонят дальше, а Джапаридзе уже замышляет побег. «Моя хорошая!.. От Енисейска до моего села около трехсот пятидесяти верст. Но мое село оказалось приличным селом — там жить можно, а если же вам удастся что-либо предпринять, чтобы мне не пришлось здесь жить, так это будет совсем хорошо».

Из письма в письмо переходят строки: «...обо мне не беспокойтесь. Едем хорошо, если так будем ехать дальше, то скоро приедем. У меня два хороших спутника...» (29 июля 1915 г.). «...Я хорошо себя чувствую» (28 сентября 1915 г.). «Только морозы, морозы сильные, ниже 40°. Но я чувствую себя молодцом, не беспокойся обо мне, клянусь тебе, переносу морозы прекрасно...» (19 ноября 1915 г.). «Я чувствую себя молодцом... а буду еще лучше чувствовать, когда прибуду в свою деревню... А мотаться мне пришлось довольно долго на этот раз — с 20 июля почти до 20 ноября... Но «она все вертится», все же жив я, живы мои мысли, надежды, вера и энергия...» (9 декабря 1915 г.).

Все это весточки со столбовой дороги на каторгу. Дороги унылой, под неусыпным полицейским конвоем. Четыре месяца везли и гнали пешком узника в Сибирь. У него начиналась цинга. Оторванность, изолированность от всего мира тяготили, мучили, угнетали с каждым часом все сильнее и сильнее. Надо было обладать исполинской волей, чтобы одолевать и болезнь, и все превратности пути, и ледящий холод...

Дошел не согнувшись. Не потерял веры. Неутоленная жажда борьбы укрепляла его уверенность в грядущей победе. И по-прежнему, как пятнадцать лет тому назад, когда Прокофий впервые объяснился в любви гимназистке Варо, дышат любовью и нежностью его письма к ней. Варвара Михайловна, или, как ласково ее называли, Варико, Варенька, оставалась в течение всей жизни Алеши Джапаридзе его единственной, его возвышенной любовью. «Что меня беспокоит? — пишет он 22 февраля 1916 года из Сибири. — Твоя отдаленность от меня. О чем мечтаю? Когда же обниму и расцелую мою любимую. Мое духовное состояние? Сложное, моя дорогая, но твой образ вырисовывается на первом плане».

Где бы он ни был, буквально всюду жива в нем мечта и надежда встретиться с женой. «Жизнь моя, мечта моя! —

пишет он 10 апреля 1916 года из Енисейска.— Почему я не с вами, чтобы прижать к груди тебя и наших двух девочек и радоваться всем вместе?»

Забота о дочерях, их воспитании и нравственном облике не перестает волновать Алешу. То он видит Люцию и Елену во сне, то мысленно ведет с ними беседу, хотя оторван от них на тысячи верст. 9 ноября 1915 года он обращается в письме из села Богучаны Енисейской губернии к дочерям: «...а папочка все думал и думает о вас; часто видел я вас во сне, но хорошо не мог разобрать сны. Помню, что вы целовали меня много, обнимали обе, что-то рассказывали, перебивали друг друга...»

В день рождения Люции отец шлет ей из заснеженной сибирской дали горячее поздравление. Оно звучит, как песня: «Моя любимая дочь, моя надежда, моя мудрость. Живое свидетельство моей первой любви!!!

Моя любимая дочь — это не требует объяснения, это и ты понимаешь. Моя надежда — во многом ты надежда,— поэтому назвал тебя Люция. Когда ты родилась, я был полон надежд, моя хорошая девочка, и от тебя ожидаю многого. Ведь постарайся оправдать мои надежды? Прощу тебя, постарайся!

Моя мудрость! Твое второе имя София — это греческое слово и означает мудрость. Вот почему ты должна быть моей мудростью...»

Отца не перестает интересоваться учеба дочерей. «Мои дорогие дочурочки Люция и Елена!.. Напишите, как вы учитесь, ходите в школу, сердится ли мама на вас или нет, если сердится, то за что, и обо всем. Если мама сердится зря на вас,— шутя роняет он,— то я ей задам... А сейчас, когда вы читаете мое письмо, поцелуйте маму за меня крепко и, если сегодня ссорились между собой, помиритесь ради меня. Напишите мне и о том, как провели лето, где и хорошо ли было вам...»

В предыдущую, вологодскую, ссылку к Прокофию Апраксионовичу приезжала Варвара Михайловна с Люцией.

Он уговорил жену поехать в Москву на Высшие педагогические курсы, а сам организовал негласную, скрытую от глаз начальства школу для детей ссыльных, учил их грамоте, приохотил к чтению. Вернувшись в Грузию, Люция благодаря занятиям в отцовской школе сумела поступить сразу во второй класс гимназии, в которой стала учительницей Варо. И в тот короткий срок — от приезда из Великого Устюга домой до ареста и ссылки в Сибирь — Прокофий Апраксионович сочетает напряженную работу в подполье с всемерной помощью семье.

«Стоит ли говорить, как отец любил семью, — вспоминая свое детство, делятся со мной Люция и Елена. — Он старался, как мог, облегчить наше положение. Иногда вместе с мамой проверял ученические тетрадки, готовил ей конспекты занятий. Отец, как мы можем судить по рассказам матери, его друзей, по нашим собственным, пусть детским впечатлениям, был не только отважным революционером, но и прекрасным педагогом, рассказчиком, он замечательно читал стихи, хорошо стрелял, играл в шахматы — словом, был очень разносторонним и интересным человеком».

Что это именно так, служат подтверждением сибирские письма Джапаридзе, уже частично приведенные выше. В них он просит жену разыскать и прислать ему по почте «За 12 лет» Ильина (то есть сборник статей Ленина), учебник шахматной игры, «Витязя в тигровой шкуре», книги на немецком языке. Он посылает в грузинскую печать статьи и даже работает в сапожной мастерской. Рад тому, что в свое время в школе был обучен этому ремеслу. «А какой я замечательный сапожник!!» — восклицает он в одном из писем. Но больше всего в них уделяется внимание детям. «Порадуйте меня хорошей учебой. Если не буду получать хорошие известия о вашей учебе, то буду огорчен и опечален». Вскоре опять: «К празднику жду отметки Люцико, и я распишусь на них. Если отметки будут неважные, рассержусь».

В каждом детском письме отец не пропускает ни одной ошибки. «Дорогая девочка,— пишет он Люции,— уверен, будешь хорошо учиться и будешь читать книги. Буду надеяться, моя хорошая Люцико, что, когда увижу тебя, ты обрадуешь меня тем, как много усвоила в мое отсутствие. Немного неприятно мне, что ты так неаккуратно пишешь, но ничего, в будущем исправишь свой почерк. Но плохо, что у тебя несколько ошибок; ты не сердись, моя славная дочурка, но я выпишу их, чтобы ты больше не ошибалась. Выпишу на отдельном клочке бумаги, не хочу портить мое письмо».

В нем и отцовский совет: «...заведи дневник, записывай в этой тетради... что твое внимание будет привлекать из жизни в школе, дома, о книгах, которые ты будешь читать, и т. д.»

Когда Люция ответила отцу согласием, он поспешил ей сообщить: «Дневник ты будешь вести, хорошо, целую за это,— только веди аккуратно. Никаких других наставлений не буду давать — ты уже большая и сама теперь должна знать, как вести себя...»

«Нет, папочка, я еще не большая, посоветуй, пожалуйста, как писать»,— настаивает дочь. И следуют советы, которые и теперь верны и полезны. «Присмотрись к природе, описывай некоторые замечательные места. Присмотрись к природе рано утром, когда природа и люди оживают, в полдень и вечером и т. д.» «Посещай крестьянские дома, присмотрись к обстановке, образу жизни; описывай это отдельно, опиши даже внешность отдельных лиц — женщин, мужчин, детей, записывай их слова, описывай их работу».

Через детей Джапаридзе посылает письмо племяннику. И настоятельно советует: «Люби труд — труд делает человека человеком... Читай книги, занимайся, учись и работай».

Вот в чем видел он счастье своих и всех детей на свете.